

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XII, part 3

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg

«Nauka»

2016

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XII, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург

«Наука»

2016

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.

Т. XII. Ч. 3. I. Исследования по балканистике. II. Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения. III. Varia / Ред. М. Л. Кисилиер, И. Е. Кузнецова, А. Ю. Русаков. СПб.: Наука, 2016. — 837 с.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039726-2

РЕДКОЛЛЕГИЯ

«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
PhD Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Нидерланды,
Амстердамский ун-т), член-корр. РАН Н. Б. Вахтин, д. филол. наук
М. Д. Воейкова, член-корр. РАН Е. В. Головкин, PhD Prof. L. Grenoble /
Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго), PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
к. филол. наук А. Ю. Кожевников, д. филол. наук В. М. Круглов,
член-корр. РАН С. А. Мызников, д. филол. наук, проф. В. И. Подлеская
(Москва, РГГУ), PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т),
д. филол. наук А. Ю. Русаков, д. филол. наук, проф. А. Н. Соболев
(заместитель председателя), к. филол. наук С. С. Сай, к. филол. наук
А. Ю. Урманчиева, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,
Dr. habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

Редакторы тома: М. Л. Кисилиер, А. Ю. Русаков (раздел I);
И. Е. Кузнецова (раздел II)

Ответственные за выпуск от редколлегии: Е. В. Головкин, А. Ю. Урманчиева

Рецензенты тематических частей: М. В. Домосилецкая, Ф. А. Елоева,
П. А. Кочаров, А. В. Шацков (раздел I); А. В. Вольнская, Е. Н. Геккина,
В. А. Ефремов, Н. В. Козловская (раздел II)

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РГНФ «Корпусные исследования балканских языков» № 14-04-00581

Материалы доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН:

https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_3.pdf

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039726-2

© Коллектив авторов, 2016.

© ИЛИ РАН, 2016.

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2016.

В. А. Ефремов

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ОСКОРБЛЕНИЕ: НАИВНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА¹

Актуальность обращения к речевому акту оскорбления в аспекте лингвистической экспертизы связана как минимум с тремя причинами: во-первых, с широко распространенной, в том числе и среди работников правоохранительной системы, контаминацией семантики лексемы *оскорбление* в юридическом и обиходно-бытовом значении; во-вторых, с до сих пор сохраняющимися проблемами описания оскорбления как правонарушения в лингвоэкспертном аспекте (см. не утратившую актуальность коллективную монографию [Понятия чести, достоинства 2004]); в-третьих, с анализом одного конкретного кейса, имевшего длительную судебную историю. Одновременно обращение к данному вопросу позволяет затронуть такие проблемы современной лингвистики, как разграничение терминологического и нетерминологического в семантике слова, взаимопроникновение наивной и профессиональной картины мира, взаимодействие языковых и научных знаний.

1. Наивная vs профессиональная картины мира

Понятие картины мира — одно из фундаментальных понятий современного гуманитарного, в том числе и филологического, знания. При этом на основании различных критериев выделяется множество разновидностей картин мира. Так, базовой для современных лингвистических исследований, исходящих из сложно структурированного взаимодействия языка и знаний в формировании образа окружающей действительности, становится оппозиция языковой и

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15–04–00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты») и № 15–04–00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

концептуальной картин мира (подробнее: [Ефремов 2009]). Однако для лингвоэкспертных исследований более существенна другая оппозиция.

В традиции московской семантической школы картина мира предстает в двух противопоставленных по отражаемому типу знаний ипостасях — наивная картина мира и научная картина мира, которые различаются по способу познания действительности: практически-му, осуществляемому в процессе повседневной жизни, и теоретическому, осуществляемому с помощью специальных методов изучения действительности или отдельных ее объектов. При этом, естественно, первичной является наивная картина мира, которая а priori всегда вербализована, так как языку принадлежит функция объективации человеческого опыта и сознания. Следовательно, между понятиями «языковая картина мира» и «наивная картина мира» следует ставить знак равенства, акцентируя внимание на «донаучном» характере последней.

Основные воззрения московской семантической школы на наивную (resp. языковую) картину мира можно представить следующими тезисами.

1. Языковая картина мира — это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире [Апресян 1995: 629–630]. Следовательно, языковая картина мира предшествует остальным типам картин мира, так как человек видит мир «сквозь призму языка».

2. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира, то есть концептуализирует действительность. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов — «наивный реализм», или «коллективную философию», которая «навязывается» как обязательная всем носителям языка.

3. Языковая картина мира «наивна» в том смысле, что она во многих деталях отличается от научной картины мира. Однако наивные представления отнюдь не примитивны, а во многих случаях не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека.

4. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику, наивную этику, наивную психологию и т. д.

Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы и должны единообразно описываться в словаре.

В отличие от наивной картины мира, научная картина мира представляет собой совокупность научных сведений об окружающей человека действительности, и она принципиально переводима с одного языка на другой: ср. саму возможность существования такого рода многоязычных словарей, как мультилингвальные терминологические словари. О. А. Корнилов определяет научную картину мира как «способ моделирования реальности, который существует помимо отдельных научных дисциплин (но на их основе) и характеризуется универсальностью, глобальностью охвата всех областей знания о мире, человеке и обществе» [Корнилов 2003: 9].

Вместе с тем очевидно, что четкой границы между наивной и научной картинами мира не существует, так как научные понятия являются неотъемлемой частью обыденной жизни и со школьной скамьи обогащают наивные представления человека о мире. Однако и научное знание формируется на основе обыденных знаний, что особенно хорошо отражено в истории появления и семантической эволюции терминов гуманитарных наук.

Научная картина мира находит собственное языковое отражение прежде всего в языке научных понятий, вербализованных в терминологии. Зачастую термины располагаются на границе между наивной и научной картинами мира и могут связывать их в концептуальной картине мира человека, так как в разных своих лексических значениях отражают как наивные, так и специальные знания о мире. Собственно, сам вектор становления и бытования терминов русского права и был таковым: от наивных знаний к юридическим терминам, от обычного права Древней Руси к влиянию западной законодательской традиции XVIII–XIX вв., например, немецкого пандектного права². Более того, термин можно рассматривать как языковое воплощение еще и профессиональной картины мира, которая, в свою очередь, является фрагментом или ипостасью научной картины мира.

---

² Ср. идею Э. Бенвениста о «реорганизации системных различий и обновлении семантического аппарата» языка [Бенвенист 1995: 27] в истории становления общеиндоевропейских социальных явлений.

Однако не следует сбрасывать со счетов тот факт, что «профессиональная языковая картина мира — это одновременно продукт научного осмысления научных понятий, принадлежащих определенной отрасли знания, и продукт обыденного мышления как результат профессионального осмысления данных научных понятий языковой личностью» [Хохлова 2013: 135]. Именно поэтому профессиональную картину мира определяют то как разновидность языковой картины мира («тот фрагмент языковой картины мира, который ограничивается какой-либо профессиональной деятельностью» [Холодилова 2009: 62]), то как разновидность научной картины мира, связанной с профессиональной принадлежностью человека: профессиональная картина мира — это «отражение в языке понятий, связанных с определенной отраслью знания» [Закирова 2012: 95]. Существует и третий подход, утверждающий, что профессиональная картина мира «представляет собой результат взаимодействия наивной картины мира, научной картины мира и мира профессии» [Стецюра 2009: 122].

Следует отметить, что исследование разных плоскостей юридической профессиональной картины мира становится все более актуальным для современной лингвистики: так, уже были описаны картина мира английских юристов [Федотова 2012], сотрудников российских правоохранительных органов [Масыч 2010] и даже профессиональная языковая личность студентов-юристов [Плотницкая 2013].

В настоящем исследовании юридическая картина мира рассматривается как частная разновидность профессиональной картины мира. Соответственно, понятие *оскорбление*, относящееся как к наивной, так и к юридической картине мира, рассмотрено сначала как элемент наивной картины мира, а затем как термин, функционирующий в юридической практике.

2. Оскорбление в наивной картине мира: лексикографический аспект

Как известно, лексикография стремится к фиксации наивно-го восприятия мира: лексикографическая интерпретация должна быть направлена на «поиски смысла» и в конечном итоге на реконструкцию наивной картины мира [Апресян 1995: 630]. Вместе с тем четкую грань между значением слова и стоящим за словом

понятием провести сложно: словарная статья в толковом словаре отражает общеупотребительное значение слова, но при этом оно может совпадает с логико-философским, понятийным содержанием.

В лингвоэкспертной практике, как и в серьезных академических исследованиях, сложилась следующая традиция: анализировать конфликтогенные тексты с помощью современных им словарей, отражающих соответствующий этап развития языка. В нашем случае наиболее показательным будет анализ словарных статей «Большого толкового словаря русского языка»:

ОСКОРБЛЕНИЕ — 1) к Оскорбить — оскорблять. *О. чувств. О. словами. О. личности. О. гражданского достоинства.* 2) Оскорбительный поступок, поведение, слова и т. п. *Нанести о. кому-л. Выслушивать, переносить оскорбления. Осыпать оскорблениями кого-л. Простить о. Личное о. Тяжелое о. Оскорбление в чей-л. адрес. Пожалуйста, без оскорблений!* [БТСРЯ: 729];

ОСКОРБИТЬ — Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить в ком-л. какие-л. чувства. *О. чью-л. честь, гордость. Смертельно о. чье-л. достоинство. Оскорбить кого-л. действием (нанести кому-л. удары, побои).* // Осквернить, унижить чем-л. неподобающим. *О. торжественность минуты глупой выходкой. О. в лучших чувствах. О. чей-л. слух, зрение, взор* (быть крайне неприятным для чьего-л. слуха, зрения) [БТСРЯ: 729]

Как следует из анализа первой словарной статьи, оскорбление — это действие: наносить оскорбление может поведение, но оскорбительными могут быть и слова. Первое значение лексемы отсылает к словарной статье глагола *оскорбить*, дефиниция которого однозначно эксплицирует важный семантический компонент оскорбления в наивной картине мира: оскорбление относится к сфере обиды, унижения, уязвления. Действие оскорбления всегда имеет соответствующий объект, которым может быть как абстрактное понятие типа чувств, так и непосредственно оскорбляемая личность. Иллюстративный материал позволяет выделить как формы оскорбления — вербальные и невербальные (удары, побои), так и спектр задетых человеческих чувств (например, гордость, достоинство). Зона оттенков значений фиксирует особое свойство оскорбления — ‘унижение чем-л. неподобающим’. Следовательно, исходя из словарных толкований, можно выделить два вида оскорбления: оскорбление словом и оскорбление

действием. Фразеологически связанное значение характеризует воздействие на органы чувств: 'оскорбить слух, зрение, взор'.

Отметим, что, описывая специфику «щепетильной лексики» русского языка, Анна А. Зализняк приходит к интересному выводу: «Оскорбление возникает тогда, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство. (. . .) В оскорблении участвуют социальные факторы, в обиде — индивидуальные» [Зализняк 2000: 109].

Важно отметить, что в БТСРЯ первое значение лексемы иллюстрируется предложениями из юридической сферы — *оскорбление личности* (термин) и *оскорбление гражданского достоинства* (квазитерминологичная сверхсловная номинация). Вероятный элемент юридической классификации обнаруживается и в предложениях, иллюстрирующих второе значение: *тяжелое оскорбление*.

Еще более интересен в аспекте взаимодействия наивной и юридической картин мира анализ одноименной словарной статьи из толкового словаря под ред. Д. В. Дмитриева:

ОСКОРБЛЕНИЕ

1. **Оскорблением** называют действия, направленные на то, чтобы унижить чье-либо человеческое достоинство, крайне обидеть кого-либо. *За оскорбление судей в зале судебного заседания предусмотрена уголовная ответственность. | Я подам на вас в суд за оскорбление личности.*

2. **Оскорблением** называют грубые, обидные, унижающие чье-либо человеческое достоинство слова, поступки и т. п. *Я не намерена больше выслушивать ваши оскорбления. | Любую критику в свой адрес он воспринимает как личное оскорбление. | Торговки принялись осыпать бедного воришку оскорблениями. | Назвав меня трусом, вы нанесли мне тяжелое оскорбление, которое я вам никогда не прощу* [Дмитриев (ред.) 2003: 775].

В словаре под ред. Д. В. Дмитриева приводятся два аналогичных БТСРЯ значения, первое из которых квалифицирует оскорбление как действие унижения человеческого достоинства и крайней обиды. Показательно, что иллюстративный материал этого значения представляет собой предложения, связанные исключительно с юридической сферой. Второе значение позволяет отнести к оскорблению не только обидные и унижающие достоинство, но и грубые слова и поступки.

ОСКОРБЛЯТЬ

1. Если кто-либо **оскорбляет** вас, вашу честь, гордость и т. п., значит, он говорит о вас что-либо очень плохое, обидное, грубое или же поступает по отношению к вам таким образом, чтобы унижить вас, задеть ваши чувства. *Подобные высказывания оскорбляют мою честь. | Попрошу меня не оскорблять! | св.: Только негодяй способен так оскорбить женщину. | Ты его смертельно оскорбил.*

2. Если что-либо **оскорбляет** ваш слух, зрение, взор и т. п., значит, это является крайне неприятным для вашего слуха, зрения и т. п. *Стихийно образовавшуюся в центре города помойку обнесли забором, чтобы она не оскорбляла взор городских чиновников. | св.: В этой простой мелодии было столько искреннего чувства, что она бы не оскорбила слух даже самого тонкого ценителя музыки [Дмитриев (ред.) 2003: 775].*

Как следует из данной словарной статьи, у глагола *оскорбить* есть объект (честь, гордость) и цель действия (унижить, задеть чувства). Иллюстрации отражают отрицательные элементы коммуникативной ситуации оскорбления: 1) неприятие оскорбления (*Попрошу меня не оскорблять!*), 2) адресант оскорбления как носитель отрицательных качеств (*Только негодяй способен так оскорбить женщину*), 3) оскорбление как нарушение общепринятых этических норм (тот же пример), 4) степень морального ущерба, нанесенного оскорбленному (*Ты его смертельно оскорбил*). Предметы и результаты человеческой деятельности, согласно словарным иллюстрациям, также могут оскорблять взор или слух (иллюстративная зона значения 2).

Лексикографический анализ «Русского ассоциативного словаря» также позволяет расширить представление об *оскорблении* в наивной картине мира:

ОСКОРБЛЕНИЕ личности 23; обида 7; личность 5; нанести 4; гордость, дуэль, унижение 3; жестокое, пощечина, словом, человека, чести 2; боль, бросать, врага, глубокое, грубое, *грубость*, делом, до глубины души, достоинства, драка, жестокость, и унижение, извинение, клевета, людей, мат, на всю жизнь, наглость, намеренное, невежда, невежество, незаслуженное, несносное, низость, никчемность, обсуждение, плохо, подавленность, получить, рана, ругань, сволочь!, сердце, слезы, слова, словесная атака, слышать, удар, учителю, учителя, хуже всего, это обидно, явное 1; 103 + 56 + 0 + 43 [РАС: 414]

Наиболее частотные синтагматические (*личности* (23), *нанести* (4)), а также *жестокое, личное, словом, человека, чести* (2) и парадигматические реакции (*обида* (7), *гордость, унижение* (3))

однозначно свидетельствуют об отнесении оскорбления в наивной картине мира прежде всего к эмоциональной сфере человеческой личности. Эмоциональный аспект оскорбления проявляется и в реакциях *боль, подавленность, рана, слезы, это обидно*. Социальный аспект оскорбления зафиксирован в таких реакциях, как *личность* (5), *дуэль* (3), *пощечина* (2). Одиночные реакции весьма репрезентативны в плане квалификации оскорбления. Так, по данным РАС, *оскорбление* может быть *глубоким, грубым, намеренным, незаслуженным, обидным (это обидно), явным*. Оскорбить можно (что?) *достоинство*, (чем?) *делом, словом (слова, словесная атака)*, (как?) *до глубины души, на всю жизнь*. Негативная оценка оскорбления с точки зрения общепринятых этических норм подтверждается реакциями *наглость, невежество, низость, никчемность, плохо, сволочь!, хуже всего*. Формы проявления оскорбления (вербальные и невербальные) также представлены в словарной статье в виде следующих реакций: *дуэль, пощечина, словом, делом, драка, мат, ругань, слова, словесная атака, удар*.

Интересным доказательством мысли И. Б. Левонтиной о том, что в русской наивной картине мира рядом с понятием *оскорбление* постоянно звучит идея униженности и отверженности [Левонтина 2014], становится зафиксированная в РАС двухсловная реакция *и унижение*. Как предполагает сама исследовательница, наличие данного бинома в ассоциативно-вербальной сети носителя русского языка обусловлено в том числе и прецедентными текстами («Отверженные» В. Гюго, «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского).

Итак, как следует из анализа лексикографических источников современного русского языка, оскорбление в наивной картине мира затрагивает две сферы человеческого бытия: эмоциональную и социальную. В социальной сфере оно выступает как форма межличностного контакта, связанного с негативным отношением, проявленным вербально (в словах) или невербально (в поведении). В эмоциональной же сфере оскорбление связано с унижением человеческого достоинства, что проявляется в намеренном нанесении человеку обиды, в уязвлении его чувств. Кроме того, оскорбление способно затронуть эстетический вкус человека, нарушенный неприятным ощущением от увиденного или услышанного.

Итак, *оскорбление* в лексической системе языка имеет несколько значений: 1) намеренное действие, наносящее ущерб чести

и достоинству; 2) испытываемое неприятное чувство, вызванное действием (возможно, ненамеренным), который противоречит общепринятым моральным и этическим нормам; 3) испытываемое неприятное ощущение, вызванное задетым эстетическим чувством. Отметим, что полученные данные совпадают с результатами А. В. Санникова, который на материале Национального корпуса русского языка эксплицировал в наивной картине мира три ипостаси *оскорбления*: 1) нанесение ущерба чести, 2) каузация неприятного чувства и 3) противоречие эстетическим вкусам [Санников 2006].

3. Оскорбление в юридической картине мира

Нахождение понятия *оскорбление* «на стыке языка и права» диктует необходимость четко разграничить оскорбление как высказывание с позиций лингвистики и с позиций юриспруденции [Бринев 2009: 24]. Как уже говорилось выше, право по происхождению связано с языком, оно в нем объективируется и через него познается. В обыденном сознании, как отмечает Г. В. Кусов, поведение лица, наносящего оскорбление, оценивается утилитарно, т. е. на основе бытовых этических представлений о справедливости, целесообразности и т. п. [Кусов 2011: 17–18]. В правовом дискурсе *оскорбление* должно соответствовать предписаниям закона, в котором оно квалифицируется.

Термин *оскорбление* в современной российской правоприменительной практике обнаруживается в нескольких кодексах российского законодательства, из которых актуальными с точки зрения проведения лингвистической экспертизы являются следующие:

1. Кодекс об административных правонарушениях РФ (КоАП);
2. Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК);
3. Уголовный кодекс РФ (УК).

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» уголовная ответственность за оскорбление как таковое была упразднена (за исключением ст. 148, 297, 319 и 336, оговаривающих особые ситуации с использованием оскорбления). Из состава уголовного преступления (ст. 130 УК) оскорбление было

перенесено в ст. 5.61 КоАП. Вследствие этого основным источником сведений об оскорблении становится КоАП, в котором оно практически приравнивается к унижению чести и достоинства лица.

Еще в конце XX в. было отмечено, что такие основные понятия права, как *честь*, *достоинство*, *оскорбление* и т. п., в российском законодательстве четко не определены [Понятия чести, достоинства 2004: 11]. Важно отметить, что не определены и такие ключевые для понятия *оскорбление* термины, как *унижение чести и достоинства* и *неприличная форма*, на которых оно основывается [Понятия чести, достоинства 2004: 12]. Это создает существенные затруднения при попытке однозначной трактовки правовых текстов и, следовательно, при проведении лингвистической экспертизы.

Согласно КоАП, неизменным атрибутом оскорбления является неприличная форма, в которой оно выражается («Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (ст. 5.61, п. 1 КоАП). При этом для ситуаций, в которых имеет место публичный характер оскорбления, определяется особая, более суровая мера наказания (ст. 5.61, п. 2 КоАП).

В ряду иных правонарушений оскорбление выделяется возможностью выражения в вербальной форме. На это указывают уже перечисленные характеристики: 1) оскорбление имеет неприличную форму (невербальные средства типа жестов, мимики и телодвижений тоже могут быть оскорбительными, однако понятие *оскорбление* в зафиксированных в законе нормах имеет ярко выраженную вербальную составляющую); 2) оскорбление может появиться во время публичного выступления или встретиться в средствах массовой информации, что также свидетельствует о вербальной составляющей этого правонарушения.

Необходимо отметить, что в юридической картине мира объектом оскорбления может быть любое физическое лицо, однако, в отличие от наивной картины мира, отдельные категории граждан выделены особо:

1. Верующие, чьи религиозные чувства могут быть оскорблены (ст. 148 УК). Оскорбление в этом случае трактуется как разновидность неуважения к обществу, что характеризует рассматриваемое понятие как недопустимое, осуждаемое социумом;

2. Лица, принимающие участие в судебном разбирательстве, особенно присяжные заседатели или судьи (ст. 297 УК). Оскорбление

лица, отправляющего правосудие, относится к такому типу правонарушений, как «неуважение к суду»;

3. Представители власти (ст. 319 УК): оскорбление данной категории граждан недопустимо при исполнении ими своих должностных обязанностей;

4. Военнослужащие (ст. 336 УК). Отношения субординации между начальником и подчиненным в воинской части предполагают недопустимость оскорбления обеих сторон.

Таким образом, в нормативно-правовых актах определяются: 1) терминологическое содержание *оскорбления* и формы его существования; 2) адресат оскорбления; 3) особенности функционирования оскорбления в различных контекстах и ситуациях (судебный процесс, публичное выступление и др.); 4) этическая основа правового толкования оскорбления (например, защита законом чувств верующих); 5) мера пресечения оскорбления как способ регулирования ненормативного поведения граждан РФ. Как видно из этих положений, закон определяет именно социальный аспект оскорбления как формы межличностного контакта.

Множество дискуссионных вопросов вызывает характеристика формы оскорбления. Сообщаемые сведения сами по себе не могут быть оскорбительными: они могут соответствовать или не соответствовать действительности. Оскорбительной может считаться только языковая форма выражения сведений, то есть унижение чести и достоинства человека в неприличной форме. Для признания речевого акта оскорбительным традиционно считается обязательным наличие трех факторов: 1) используемая лексика принадлежит к разряду оскорбительной, 2) данная лексика адресована конкретному лицу, 3) она использована публично [Стернин 2011].

Однако вопрос о неприличной форме высказывания с позиций лингвоэкспертного анализа следует считать до сих пор открытым и крайне дискуссионным. Традиционно неприличными принято считать высказывания, содержащие оскорбительную лексику и фразеологию, нарушающую нормы общественных приличий. Зачастую такая лексика термируется как «недопустимая в печатном тексте», однако такой подход опровергается самой действительностью: в связи с переживаемым русским языком очередным витком вульгаризации сейчас в СМИ можно встретить уже едва ли не все «непечатные» когда-то слова.

Речевое оскорбление понимается как публичное употребление в отношении (в адрес) потерпевшего грубой, то есть оскорбительной лексики (вульгарной, бранной или нецензурной). Такая лексика понижает общественный статус лица, которому она адресована, а также раскрывает личную неприязнь к нему [Стернин 2011], однако само по себе неприязненное понижение статуса адресата еще не свидетельствует об оскорблении (см. разнообразные формы проявления в речи юмористического: ирония, сарказм и т. д.).

При этом среди инвективных лексико-фразеологических средств в рамках литературного языка есть такие единицы, которые, хотя и являются нормативными, воспринимаются как недопустимые с точки зрения общественной морали — например, *сволочь*, *подлец*, *мерзавец* и т. п. [Понятия чести, достоинства 2004: 80]. Такая бранная и вульгарная лексика, в отличие от нецензурной (пять слов и их производные), не признается «неприличной формой» в юридическом отношении, а потому некоторыми исследователями не считается порочащей честь лица или унижающей его достоинство [Стернин 2011]. Во многих коммуникативных ситуациях использование бранной лексики само по себе не является оскорблением (а только демонстрацией личной неприязни), однако потерпевший может «оскорбиться» в бытовом смысле слова. Хотя это и считается грубым нарушением этических норм, данный факт не подлежит юридическому регулированию [Стернин и др. 2013: 3], либо должен классифицироваться как иное, нежели оскорбление, правонарушение. Вообще, то, что вызывает чувство обиды, достаточно субъективно для каждого человека. Это может зависеть от мировоззрения, личных предпочтений и стремлений каждой отдельно взятой личности, однако «оскорбления» вроде «куда-то не пригласили» или «не прибавили зарплату» не рассматриваются в правоприменительной практике [Стернин и др. 2013: 27]. Здесь, по-видимому, и кроется главное расхождение представлений об оскорблении в наивной и юридической картине мира: во-первых, семантическое наполнение оскорбления в наивной картине мира явно больше (и зачастую смешивается с понятием *обида*); во-вторых, не всё, то что может оскорбить человека, является оскорблением с правовой точки зрения.

Итак, в юридической картине мира понятие *оскорбление* обладает рядом значимых признаков, которые влияют на семантическое наполнение правовой нормы: 1) направленность речевого

акта оскорбления на конкретное лицо или группу лиц (оскорбление чувств верующих); 2) особая форма речевого акта («неприличная»); 3) намерение унизить адресата (и тем самым понизить его статус в обществе); 4) публичная форма выражения; 5) последствия за совершенные деяния в виде общественного осуждения.

Приняв во внимание уже перечисленные атрибуты оскорбления, необходимо отметить также те его характеристики, которые некоторые исследователи [Кусов 2011: 27–28, 42; Понятия чести, достоинства 2004: 80] относят к правовым (хотя эти характеристики являются, скорее, социо- или лингвокультурными, нежели правовыми). В этот ряд включают: 1) умышленное нарушение табу (в языке права нет понятия *табу*, следовательно, оно находится вне юридической картины мира); 2) скрытый характер воздействия оскорбления (такой атрибут оскорбления в нормативно-правовых актах не зафиксирован и не является предметом анализа собственно лингвистической экспертизы, как и иные вопросы «воздействия» [Бринев 2009]); 3) допускаемая адресантом возможность пересечь социальную границу, по другую сторону которой находится оскорбление (этот атрибут оскорбления относится, помимо прочего, к психологическим установкам говорящего и также не учитывается в юридической практике); 4) пейоративная модификация образа адресата (искажение образа как следствие унижения чести и достоинства лица); 5) утрата оскорбленным самоуважения и позитивной самооценки, а также трудоемкий процесс восстановления утраченного социального статуса (эти вопросы также находятся вне компетенции лингвистов-экспертов).

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что тремя бесспорными атрибутами оскорбления в юридической картине мира являются: 1) факт унижения чести и достоинства лица; 2) неприличная форма выражения этого факта; 3) адресность (направленность на конкретное лицо). Кроме того, к важным характеристикам оскорбления относятся его вербальная реализация и публичность.

4. Оскорбление: сопоставительный аспект

В наивном сознании оскорбление соотносится с большим числом понятий, чем в правовом поле, что позволяет говорить о существенно более широкой семантике слова в его обиходном понимании. В бытовой сфере оскорбление низко, безнравственно, оно задевает

чувства и вызывает обиду. В обеих картинах мира оскорбление тесно связано с издевательством, при этом в юридической картине мира оскорбление может рассматриваться как одна из форм насилия.

Наивным сознанием оскорбления стратифицируется более дробно и отражает специфику восприятия оскорбления с разных сторон: по мотивированности (*случайное, намеренное*), по степени оскорбительности (*глубокое, на всю жизнь* и др.), по форме (*грубое*), в этическом аспекте (*незаслуженное, непростительное*) и т. д. Оно всегда осуждается обществом и подлежит тем или иным мерам воздействия — общественным и правовым.

Если в юридической картине мира оскорбление может быть выражено почти исключительно вербально, то в наивной картине мира оскорблением может быть что угодно.

В правовом поле не фиксируются характеристики адресанта и возможные цели нанесения оскорбления, в наивном сознании оскорбитель представляется носителем заведомо отрицательных качеств и имеет цель задеть чувства адресата.

Из юридического поля полностью исключается эстетическая сфера: здесь оскорбление не рассматривается в категориях прекрасного и безобразного; так, вне компетенции права оказывается оскорбление зрения и слуха.

В сфере права единственным зафиксированным средством выражения оскорбления является «неприличная форма» высказывания. В обиходной сфере, напротив, предстает широкий спектр частных случаев воплощения оскорбления: брань, упрек, критика, обвинения, непристойные намеки, а также конкретные физические действия: пощечина, удары, побои и др.

Наконец, полное соответствие оскорбления в обеих картинах мира обнаруживается в возможных последствиях, наступающих после его осуществления (нанесения). Уже в наивной картине мира существует представление о привлечении оскорбителя к ответственности через суд. Естественно, что в юридической картине мира меры пресечения описаны более подробно (штраф, исправительные работы, лишение свободы).

Итак, сопоставление одноименных фрагментов двух картин мира демонстрирует частичное совпадение семантики понятия оскорбление. Правовое понимание оскорбления первоначально основывалось на некоторых наивных представлениях, существовавших

и сохраняющихся в языке; вместе с тем наивное сознание включает гораздо большее число оттенков смысла и атрибутов коммуникативной ситуации оскорбления, подчеркивающих обращенность наивной картины мира к человеку, его чувствам и переживаниям.

5. Оскорбление: дело по обвинению в оскорблении представителя власти

В качестве примера смешения юридических и наивных представлений об оскорблении можно взять экспертизу, инициированную судьей в рамках иска об оскорблении работника патрульно-постовой службы пешеходом, находившимся в состоянии алкогольного опьянения и использовавшим во время длительного пребывания в отделении полиции после задержания для выяснения обстоятельств обценные слова и выражения (предметом экспертизы стали только две конструкции: *иди в п****** и *иди на х****). При этом судья был абсолютно уверен, что коммуникативная ситуация, в которой в адрес работников МВД при исполнении используются подобного рода посылы («устойчивые выражения, семантическим ядром которых является отстранение адресанта от адресата, выражение к личности адресата негативного отношения, в связи с чем предполагающее понижение социального статуса адресата и демонстрацию превосходства адресанта над адресатом: *иди ты на х****; *пошел в ж******; *шел бы ты в п****** и др.» [Изотова и др. 2016: 14]), однозначно классифицируется как оскорбление (ст. 319 УК).

Однако две независимые экспертизы смогли пролить свет на суть проблемы, в результате чего был вынесен оправдательный приговор. Как уже говорилось выше, речевой акт оскорбления предполагает, что говорящий приписывает адресату отрицательную характеристику и сознательно делает это в неприличной форме. Как правило, не вызывает сомнения отнесение к инвективной лексике обценных (нецензурных, матерных) слов. Однако в некоторых видах дискурса (в армейской речи, в речи строителей, работников низкоквалифицированных специальностей и т. п.) табуированность обценной лексики снижается или исчезает полностью, так как в таких случаях обценная лексика играет роль исключительно маркера принадлежности к определенному социуму [Понятия чести, достоинства 2004: 30, 68 и др.] и является элементом повседневной речи. Кроме того, известная

часть обценной лексики в неофициальном общении или в производственной ситуации в речи человека низкой культуры часто выступает в функции междометных ситуативных обозначений предмета разговора или адресата речи (при этом такие слова имеют аморфную (размытую) семантику, обусловленную исключительно данной ситуацией общения), или собственно междометий, выражающих эмоции говорящего, или слов — заполнителей речевых пауз. В этих коммуникативных функциях употребление обценной лексики, как правило, не предполагает интенции оскорбления со стороны говорящего [Понятия чести, достоинства 2004: 78].

В анализируемой ситуации задержания представителями власти человека в состоянии алкогольного опьянения речевое поведение последнего почти неминуемо будет сопровождаться обценной лексикой, однако использование указанных конструкций в такой коммуникативной ситуации нельзя автоматически рассматривать как речевой акт оскорбления: во-первых, потому что здесь нет приписывания адресату (полицейскому) никаких отрицательных оценок (нет классической для оскорбления синтаксической формулы *X есть Y*, в которой *X* — оскорбляемый, а *Y* — оскорбительное слово); во-вторых, с точки зрения лингвистической прагматики отсутствует интенция оскорбить (если бы она была, задержанный выбрал бы формулы типа «*Ты (есть) Y*», «*Да сам ты — Y*» и т. п., т. е. назвал бы оскорбляемого (а не отправил бы его) тем или иным словом). Следовательно, в случае задержания полицейскими человека в состоянии алкогольного опьянения семантическое и прагматическое наполнение вышеназванных конструкций имеет лишь значение ‘отстань(е) от меня, оставь(те) меня в покое’ и ‘я не хочу с вами общаться’. Иными словами, данные реплики следует классифицировать не как оскорбление, а как просьбу человека не домогаться его (*иди в п*****) и как выражение нежелания продолжить диалог (*иди на х*****).

Отсутствие акта оскорбления при употреблении данных реплик подтверждается и словарями современной русской разговорной лексики, которые в качестве основного значения коллоквиализмов фиксируют ‘отказ от продолжения коммуникации’ [Химик 2004: 438, 691].

Несмотря на подчеркиваемый стилистическими пометами нецензурный и бранный характер описываемых единиц, последние не содержат в себе коммуникативных тактик и стратегий

собственно оскорбления, но лишь служат в сниженном регистре для отказа от чего-либо, для предложения покинуть то или иное место или, как в рассматриваемом случае, для пожелания отстать от говорящего и для выражения нежелания продолжать диалог.

Таким образом, анализируемые высказывания, являясь негативными по содержанию, эмоционально-экспрессивными и нормативно-сниженными по форме, не являются неприличными в данной коммуникативной ситуации (задержание), не характеризуют адресата (полицейский), не несут интенции оскорбить кого-либо, а следовательно, не носят оскорбительного характера.

Как показывает проведенный анализ, представления об оскорблении серьезно разнятся в наивной и профессиональной (юридической) картинах мира. Общими для обеих интерпретаций являются 1) понимание оскорбления как унижения чести и достоинства, 2) отнесение оскорбления к сфере межличностных контактов и 3) возможные юридические последствия оскорбления. Различными оказываются представления об этико-эстетическом воздействии оскорбления, а также о личных чувствах и переживаниях оскорбленного, которые практически не фиксируются в юридическом дискурсе. Однако, как демонстрирует проанализированный случай из реальной судебной практики, зачастую и сами юристы привносят элементы наивной концептуализации оскорбления в профессиональную картину мира.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629–650.
- Бенвенист 1995 — Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, 1995.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- БТСРЯ — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
- Дмитриев (ред.) 2003 — Д. В. Дмитриев (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: Астрель, 2003.
- Ефремов 2009 — В. А. Ефремов. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.

- Закирова 2012 — Е. С. Закирова. Профессиональная языковая картина мира с позиций антропологистики // *Alma mater* (Вестник Высшей школы) 6, 2012. С. 93–96.
- Зализняк 2000 — Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). *Логический анализ языка. Языки этики*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 101–118.
- Изотова и др. 2016 — Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // *Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях* 1 (41), 2016. С. 92–98.
- Корнилов 2003 — О. А. Корнилов. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
- Кусов 2011 — Г. В. Кусов. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типология методика). Краснодар: Издательский Дом — Юг, 2011.
- Левонтина 2014 — И. Б. Левонтина. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // *Отечественные записки* 6 (63), 2014. С. 115–128. (<http://strana-oz.ru/2014/6/oskorblenie-i-smezhnyeponyatiya-v-sovremennom-russkom-yazyke>)
- Масыч 2010 — Т. Л. Масыч. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов (на материале русского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгогр. гос. пед. ун-т, Волгоград, 2010.
- Плотницкая 2013 — С. В. Плотницкая. Межкультурная коммуникация и формирование профессиональной языковой личности студента-юриста // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова* 3, 2013. С. 182–186.
- Понятия чести, достоинства 2004 — А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). *Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Медея, 2004.
- РАС — Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. *Русский ассоциативный словарь*. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7 000 стимулов. М.: Астрель, 2002.
- Санников 2006 — А. В. Санников. Понятия достоинства и смирения // Ю. Д. Апресян (ред.). *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 405–470.
- Стернин 2011 — И. А. Стернин. Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление. Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов, 2011. (<http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/11/4-1-0-144>)
- Стернин и др. 2013 — И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. Выявление признаков унижения чести, достоинства,

- умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2013.
- Стецюра 2009 — Л. В. Стецюра. Военная метафора как средство репрезентации концепта 'организм человека' в профессиональной картине мира медика // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение 13 (151), 31, 2009. С. 122–125.
- Федотова 2012 — И. М. Федотова. Формирование и развитие профессиональной картины мира юристов // Вестник МГЛУ 26 (659), 2012. С. 118–125.
- Химик 2004 — В. В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.
- Холодилова 2009 — М. В. Холодилова. Профессиональная картина мира как результат когнитивной деятельности // Языки профессиональной коммуникации. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 61–64.
- Хохлова 2013 — И. Н. Хохлова. Понятия «языковая картина мира» и «языковая личность» в современной антрополингвистике // Казанская наука 1, 2013. С. 134–137.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Исследования по балканистике

От редакторов	9
<i>Л. А. Герд, М. Л. Кисилиер (Санкт-Петербург)</i> Акты из афонских монастырей как материалы по исторической диалектологии греческого языка	13
<i>Н. Г. Голант (Санкт-Петербург)</i> Мифологические представления румын Олтении и Мунтении (по материалам экспедиций в Вылчу, Горж, Мехединць и Бузэу)	27
<i>М. В. Домосилецкая (Санкт-Петербург)</i> Заметки по балканскому гербарию: мальва и артишок (к назва- ниям молокосвертывающих растений в балканском лингвисти- ческом контексте)	41
<i>А. С. Дугушина (Санкт-Петербург)</i> Вредоносные силы и женщина в цикле родинной обрядности албанцев Приазовья	67
<i>Д. С. Ермолин (Санкт-Петербург)</i> Фотоколлекция Ю. В. Ивановой по албанцам Приазовья в Фотоар- хиве ИЭА РАН: перспективы изучения для лингвистов и этнографов	75
<i>Л. Н. Каминская (Санкт-Петербург)</i> Албанский материал в «Словаре» Петера Симона Палласа: осо- бенности передачи фонетики	83
<i>М. Л. Кисилиер (Санкт-Петербург)</i> Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в ца- конском диалекте новогреческого языка	93

<i>М. Л. Кисилиер, А. А. Новик, А. Н. Соболев (Санкт-Петербург, Марбург)</i>	
Этнолингвистические и диалектологические наблюдения из Дропула (Албания). По материалам российской экспедиции 2009 года	111
<i>Е. А. Литвин (Москва)</i>	
Колыбельные песни салентийских греков: мотивы и образы	135
<i>М. С. Морозова (Санкт-Петербург)</i>	
Албанский говор села Жовтневого в условиях языкового контакта: по материалам экспедиций 2011–2013 годов	147
<i>М. С. Морозова, Т. А. Архангельский, М. А. Даниэль, А. Ю. Русаков (Санкт-Петербург, Москва)</i>	
Албанский национальный корпус: основные направления работы	169
<i>А. А. Новик (Санкт-Петербург)</i>	
Акциональный код знахарских практик албанцев и гагаузов Приазовья: по материалам экспедиций 1998–2012 годов	191
<i>В. А. Панов (Москва)</i>	
Глагольные формы прогрессива греческого диалекта Саленто в ареально-типологической перспективе	201
<i>В. В. Федченко (Санкт-Петербург)</i>	
Свидетельства о греческом языке Константинополя	215
<i>Hans Eideneier (Köln)</i>	
« <i>Εν αρχή ην ο λόγος</i> » και η ευρωπαϊκή παρεξήγηση	245
II. Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения	
<i>Е. С. Кара-Мурза, И. Е. Кузнецова (Москва, Санкт-Петербург)</i>	
Предисловие	257

1.

- Ю. В. Барина* (Томск)
К вопросу о необходимости обоснования негативности информации 265
- Е. Н. Геккина* (Санкт-Петербург)
Время и деньги в сложных грамматических условиях: выбор интерпретации 275
- В. А. Ефремов* (Санкт-Петербург)
оскорбление: наивная и юридическая картина мира 291
- Г. С. Иваненко* (Челябинск)
Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной квалификации 311
- Т. С. Садова* (Санкт-Петербург)
Конфликтный потенциал наименования как предмет лингвистической экспертизы: номинация человека 327
- Т. В. Чернышова* (Барнаул)
Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике 335

2.

- Е. С. Кара-Мурза* (Москва)
Проблемы лингвистической экспертизы произведений коммерческой рекламы 351
- М. А. Венгранович, И. Е. Кузнецова, Д. В. Третьякова* (Тольятти, Санкт-Петербург, Тольятти)
Лингвистическая экспертиза наименований лекарственных средств 389

3.

- В. В. Васильева, Л. Р. Дускаева (Санкт-Петербург)*
Коммуникативный сценарий призыва в массмедийном полико-
довом тексте: проявления экстремистского высказывания 395
- П. А. Катышев, С. В. Оленев (Москва / Кемерово, Кемерово)*
К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, свя-
занным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций 407
- Э. П. Лаврик (Ставрополь)*
Маркеры имплицитных призывов в спорном тексте 421
- С. М. Оленников (Санкт-Петербург)*
Коммуникативно-риторический анализ как метод лингвистиче-
ской экспертизы по делам о противодействии экстремизму 431
- Ю. С. Фомина (Уфа)*
Особенности реализации речевых актов побуждения в текстах
экстремистской направленности 441
- Е. Е. Хазимуллина (Уфа)*
Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских
организаций 453

III. Varia

- О. А. Волошина (Москва)*
Шива-сутры как важнейший элемент метаязыка грамматики Па-
нини 473
- М. М. Горина (Москва)*
Оценка реформы словацкого литературного языка 1852 года в
работах лингвистов 499
- В. В. Истратий (Санкт-Петербург)*
Наименования преступлений в русском переводе трактата
У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов» 513

<i>В. В. Казаковская, И. Балчюнене (Санкт-Петербург, Каунас)</i> Вопросительные повторы реплик в русском и литовском инпуге (к проблеме избыточности)	535
<i>С. Б. Клименко (Санкт-Петербург)</i> Отрицание в йаттука и принципы построения типологии отри- цания в филиппинских языках	573
<i>Д. В. Конёр (Санкт-Петербург)</i> Лексическая реализация предметного кода карашевской свадьбы	629
<i>П. А. Кочаров (Санкт-Петербург)</i> Древнеармянская результативная конструкция с <i>inel</i> 'иметь' . . .	651
<i>В. М. Круглов (Санкт-Петербург)</i> О задачах изучения русского языка петровской эпохи (Статья первая)	673
<i>Д. Б. Крюкова (Санкт-Петербург)</i> Парафраз и калькирование в нижненемецкой Псалтири	683
<i>С. В. Русанова (Новосибирск)</i> Термины <i>челобитная</i> и <i>прошение</i> в законодательных актах XVIII века	705
<i>А. А. Сорокин (Петропавловск-Камчатский)</i> О названиях видов рыб в языке нымыланов-алюторцев	717
<i>Е. И. Сьянова (Санкт-Петербург)</i> Лексикографическое описание русских говоров Ленинградской области: методы и принципы работы	731
<i>М. А. Холодилова (Санкт-Петербург)</i> (То,) что называется: между относительной конструкцией и устойчивым вводным оборотом	763
Сведения об авторах	781
Аннотации и ключевые слова	787